ЖУРНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ

ИМПЕРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Содержание

4 (24) 2009

Житие «святого» Иуды

Александр Каревин

Выход в Москве в серии биографий «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей») книги доктора исторических наук Татьяны Таировой-Яковлевой «Мазепа» вызвал немалый восторг у наших «национально сознательных» деятелей. Это событие удостоилось упоминания в выпуске новостей на Первом национальном канале Украинского радио. Дескать, наконец-то в России издана правдивая книга о знаменитом гетмане. Появились положительные отклики в печатных СМИ и интернет-изданиях. Подали одобрительный голос некоторые «науковці».

Ничего удивительного в этом нет. Несмотря на российское гражданство, автор указанного сочинения — не чужая для отечественных «профессиональных патриотов». В свое время г-жа Яковлева (тогда еще не Таирова) получала «знания» (судя по всему, весьма своеобразные) в научных центрах украинской диаспоры в США и Канаде. Затем защитила кандидатскую диссертацию в Киеве. Здесь же охотно издали две книги ее рассуждений об Украине в XVII веке (причислив их почему-то к разряду «научных монографий»).

Вероятно, вышеизложенное позволило Таировой-Яковлевой считать себя специалистом по украинской истории. А напрасно. Историю эту она знает недостаточно. И книга о Мазепе — наглядное тому подтверждение.

Первое, что поражает при чтении сего сочинения, — это огромное, непростительное для обладателя ученой степени количество ошибок. Так, гетман Правобережной Украины Михаил Ханенко «переименован» Таировой-Яковлевой в Ивана. Киево-Могилянская коллегия применительно к XVII веку упорно называется Академией (каковой она стала лишь в 1701 году) и объявляется «первым высшим учебным заведением в Восточной Европе» (было ли то заведение высшим — вопрос спорный, но в любом случае университеты в Вильно (Вильнюсе) и Дерпте (Тарту) основаны раньше). Сообщается, что по условиям Карловицкого мирного договора (1699 год) Турция сохраняла за собой Подолье (в действительности же турки уступили эту область Польше).

Рассказывая о взятии Семеном Палием Белой Церкви, автор книги заявляет: «После этого польская власть на Волыни была ликвидирована». Однако Белая Церковь находится не на Волыни, значительная часть территории которой, кстати, вообще не была охвачена восстанием Палия, и, следовательно, польская власть там не ликвидировалась. И так далее.

Много в «Мазепе» заурядной путаницы. К примеру, на одной странице Иван Искра (соратник Василия Кочубея) назван внуком известного казацкого вождя Якова Остряницы, а на другой — его правнуком (правильный первый вариант). В одном месте книги утверждается, что генеральный писарь контролировал всю переписку гетмана, а в другом — что гетман мог переписываться «и без ведома генерального писаря».

Иногда создается впечатление, что г-жа Таирова-Яковлева не понимает, о чем пишет. Скажем, она уверяет, что по одному и тому же русско-польскому договору о «вечном мире» (1686 год) «Подолье попало под власть Турции», все договоры с турками аннулировались, и Москва вступала в антитурецкую Священную лигу. (На самом деле Подолье попало под власть Турции еще согласно польско-турецкому договору 1672 года, а в 1686-м Польша пыталась вернуть эти земли с помощью России.)

Это ошибки в деталях. Есть и более серьезные. Неправомерно, например, трактовать переход Мазепы к шведам как «русско-украинский конфликт». Ведь известно, что Украина не поддержала гетмана-перебежчика. Вместе с великорусами украинцы (малорусы) отражали шведское нашествие. Имя же Мазепы в сознании малорусского народа надолго стало синонимом предательства.

Точно так же несправедливо утверждать, будто крепостное право в Украине «ввели только в конце XVIII века при Екатерине II», а при гетманах его «не существовало». Крепостнические порядки у нас старательно устанавливались именно гетманами (Мазепой особенно) и другими представителями казацкой старшины. Екатерина II в 1783 году официально оформила положение, которое уже было в реальности.

И уж, конечно, не имеет ничего общего с исторической правдой давно опровергнутый миф о «Батуринской резне», который Таирова-Яковлева тужится распространять, путаясь, как обычно, в деталях.

Не блещет сочинительница знаниями и при описании жизнедеятельности главного героя повествования. Пообещав в предисловии создать «объективный портрет» гетмана, выйти за рамки черно-белых оценок, использовать «всю палитру красок», автор применяет только одну краску — белую. В результате ее книга представляет собой не биографию исторического деятеля, а некое «житие святого» (хотя до святости там очень далеко). Какие бы подлости ни совершал Мазепа, кого бы ни предавал, как бы ни торговал Украиной — для Таировой-Яковлевой он все равно остается патриотом, честным человеком, глубоко верующим христианином, даже спасителем страны. «Разве мог другой человек вырвать Украину из хаоса Руины? — восклицает ученая дама, в очередной раз перечислив достоинства своего кумира. — История отвечает однозначно: сделать это смог только Мазепа». (Следует напомнить, что эпоха Руины — кровавой междоусобицы — закончилась до прихода к власти Ивана Степановича.)

Наверное, нет нужды перечислять все огрехи книги (повторюсь: ошибок там масса, их полный перечень занял бы слишком много места). В дополнение к вышесказанному стоит, пожалуй, лишь остановиться на склонности г-жи Таировой-Яковлевой к фантазированию. Тут надо отдать ей должное: воображение у сочинительницы развито превосходно. Только функционирует оно в ущерб достоверной истории.

Вот автор книги ведет рассказ о церковной анафеме Мазепе, провозглашенной митрополитом Стефаном Яворским (малорусом по происхождению). «Очень интересно узнать, какие истинные чувства владели Яворским», — пишет ученая дама и начинает строить предположения о тайном сочувствии архиерея гетману, которого он предал церковному проклятию якобы из опасения подвергнуться репрессиям. Историки, конечно, знают, что свои истинные чувства Стефан Яворский выразил в собственноручно (и добровольно, по побуждению души) написанном стихотворении, где Мазепа назван «Иудой», «вторым Каином», «вторым Иродом», «сатаниным сыном» и т.п. Но что до того Таировой-Яковлевой?

Примерно такой же степени «правдивости» утверждение г-жи сочинительницы о скрытых симпатиях к Ивану Степановичу его преемника Ивана Скоропадского. «В своих универсалах, — многозначительно заявляет ученая дама, — он (Скоропадский) именовал Мазепу не иначе как “бывшим гетманом” или “моим антецессором”, но никогда “изменником”, как того требовали российские власти». Между тем универсалы те опубликованы. Изменником в них Иван Степанович называется многократно (а еще «супостатом», «богоотступником», «згубцей» и т.п.). Очевидно, что указанных документов Таирова-Яковлева не читала (оно ей надо?), а просто понапридумывала то, что лучше соответствует концепции «жития».

Ну а самым курьезным в книге является приписывание автором своему герою

роли «серого кардинала» в свержении в 1689 году правительницы Софьи. Как провинциальный деятель, изредка наезжавший в столицу, вообще мог играть такую роль — загадка для всех, но не для ученой дамы. Целиком находясь в плену собственных фантазий, не без гордости сообщает она, что ранее «никто из историков не задавался этими вопросами». А далее живо описывает, как фаворит Софьи князь Василий Голицын, считая Мазепу союзником, планировал двинуть на Москву армию украинских казаков, как обхаживала Ивана Степановича сама правительница и как гетман, давно связанный с партией царя Петра, встал на сторону юного монарха.

Изрекая такие «откровения», доказательств сочинительница, естественно, не приводит. Кроме разве что одного: за десять лет до описываемых событий Мазепа вел задушевные разговоры «с думным дьяком Ларионом Лопухиным», тем самым, который «был отцом Евдокии, жены Петра». Достаточно ли для столь фантастического предположения одного факта беседы десятилетней давности (когда в Кремле сидел другой царь, Софья не являлась правительницей, а Иван Степанович — гетманом) — вопрос, по-видимому, риторический. К тому же жену Петра I звали Евдокия Федоровна. Ее отцом был другой Лопухин, не Ларион. Но опять-таки, что до того ученой даме?

Если бы г-жа Таирова-Яковлева писала художественные произведения, то, возможно, смогла бы затмить самого Валентина Пикуля (тоже весьма посредственно знавшего историю, что не мешало ему строчить «исторические» романы один за другим). Однако она считает себя ученой, сочинения свои отдает в солидные издательства, где, увы, их иногда печатают. Остается надеяться, что появление сей дамы в когорте авторов «ЖЗЛ» — досадное недоразумение.

В заключение еще одно замечание. Доктору исторических наук, мнящему себя специалистом по истории Украины, следовало бы знать, что орган власти, возглавлявшийся Михаилом Грушевским, назывался Центральной, а не Генеральной Радой. О Михаиле Сергеевиче сочинительница вспоминает как об одном из авторов, писавших о мазепинской эпохе. И сильно гневается на него, а также на Николая Костомарова за негативные отзывы о ее герое. Справедливости ради нужно признать, что и Костомарова, и (тем более) Грушевского критиковать есть за что. Вот только не Таировой-Яковлевой упрекать их в «поверхностном» изучении биографии гетмана. Ибо ее произведение о Мазепе получилось не просто поверхностным. Оно получилось скандально слабым, даже позорным. Впрочем, будь эта книга иной, вряд ли ее стало бы расхваливать Украинское радио...